[От лица Адама]

Я пробудился от дремоты, мои веки казались тяжёлыми.

Зевнув, я прищурился в золотистом утреннем свете, проникающем через окно комнаты, в которой я укрывался от окружающего мира во время бессознательного состояния.

Сделав глубокий вдох, я пошевелился, и каждый мускул закричал от боли, когда я это сделал, тепло одеяла вокруг меня складывалось, заставляя чувствовать жар.

Преодолевая боль, я сел, уловив знакомый аромат трав и мазей, витавший в воздухе, и тут же понял, что нахожусь в доме Полюшки.

Громкий скрип двери прервал мои мысли, и я быстро повернул голову, чтобы увидеть Полюшку: ее фигура заполнила дверной проем, а в руках она держала странного вида пузырек. Ее губы были плотно сжаты, а глаза сузились, когда она уставилась на меня: — Наконец-то проснулся, сопляк? — сказала она и вошла в комнату.

Я моргнул и посмотрел вниз на своё тело, увидев, что большая часть моего тела покрыта толстой марлей, занимающей большую часть рук, ног и туловища.

Святое дерьмо.

Да меня ж избил подчистую.

В голосе Полюшки было много разочарования, когда она, ковыляя, пересекла комнату и подошла к моей кровати. Она оглядела меня с ног до головы, ее рот сжался в жёсткую линию неодобрения: — Я думала, что у тебя больше здравого смысла, чем у среднестатистического члена Хвоста Феи, — сказала она, покачав головой и фыркнув. — Но, похоже, я ошибалась. Ты такой же тупой, как и все остальные, может быть, даже больше.

Ну, это была обидное замечание.

Но теперь, когда я думаю об этом, то правда на её стороне.

Я сражался с Делиорой, как сражался бы с Кенпачи, но не совсем так, конечно, я был одновременно взволнован и напуган, взволнован и обеспокоен...

Это был не первый раз, когда что-то подобное происходило, просто впервые я так сильно пострадал из-за этого. Сначала с Гилдартсом во время испытаний, потом с Айрин, которая злилась, что я не смог с ней сразиться, или мой бой с богом, а теперь... Делиора.

У меня не было проблем с логикой вне боя или когда мой противник был слабее меня, но, когда я сталкивался с кем-то сильнее меня или на моем уровне, мне было трудно сохранять прямооту мысли.

— Вот, — голос Полюшки прорвался сквозь помехи моих мыслей, когда она сунула мне в руки маленький стеклянный пузырь. Бледно-янтарная жидкость пузырилась и булькала под тонким слоем тумана, когда она жестом показала, чтобы я выпил ее.

Из-за ужасного запаха, исходившего от флакона, я не мог не почувствовать опасения, когда откупоривал бутылочку, но я последовал ее указаниям и сморщил нос, прежде чем неохотно проглотить дурно пахнущую и «вкусную» жидкость.

Я скорчил гримасу, вздрогнув, когда лекарство прошло через мое горло, подавляя желание вырвать.

Увядшие руки Полюшки забрали у меня пустой пузырь: — Вот на что похожа болезнь, — сказала она со слабым оттенком веселья в голосе.

Это не то, на что похожа болезнь! Это похоже на смерть, да даже хуже!

— А теперь уходи, — ворчливо сказала Полюшка, указывая на выход метлой, которую она вытащила из ниоткуда. — Я закончила твоё лечение и хочу, чтобы ты ушёл, пока я снова не переломала тебе кости. А теперь кыш! — её глаза гневно сверкнули.

Я кивнул, осторожно соскользнув с кровати, чтобы избежать боли, но обнаружил, что ее почти не было, и я почти подумал, что мне, должно быть, привиделась та жгучая боль, которая пронзила меня несколько мгновений назад.

Что, черт возьми, было в этой пробирке?!

Хе-хе, может, вкус просто отпугнул боль, как хищник зверя?

— Я почти не чувствую боли... — пробормотал я, глядя на неё.

При этом морщинистое лицо Полюшки исказилось в гримасе, а глаза полыхнули гневом, она показала на меня кривым пальцем и махнула своим оружием — метлой — в мою сторону: — Проваливай!

Я хихикал над поведением старой цундере, выходя из маленькой деревянной хижины, комично уворачиваясь от атак старухи — на самом деле она даже не старалась попасть.

За пределами ее дома лес был тих, лишь изредка слышался шелест листьев и отдалённое

карканье ворон. Солнце садилось, заливая деревья тёплым оранжевым светом.

Я глубоко вдохнул прохладный вечерний воздух и почувствовал, как на меня снизошло чувство покоя.

Пора возвращаться домой.

Думаю, недельки две я могу просто расслабляться.

—•—•—•—•—•—•—•—•—•—•—•—

Солнце било мне в глаза, когда я вышел из леса, пришлось защищаться рукой от лучей, бьющих в лицо, пробираясь по оживлённым улицам Магнолии, пробираясь через кареты и телеги, прокладывая себе путь через массы людей, спеша к гильдии.

Я хотел сообщить всем, что со мной все в порядке, прежде чем отправиться домой. Особенно малышке Кане, не только потому, что я любил эту девочку, но и потому, что не хотел представлять, что сделает Гилдартс, если я позволю ей волноваться.

Вздрогнув от этой мысли, я толкнул тяжёлые двери гильдии, и на меня повеяло запахом эля и ароматом приготовленной еды, когда я окинул взглядом мрачное помещение, отделанное деревянными панелями, и заметил кучу знакомых лиц, сидящих вокруг барной стойки.

Оглянувшись по сторонам, я быстро наткнулся взглядом на дверь кабинета мастера гильдии и поспешил через комнату забитую народом, уклоняясь и пробираясь через случайные бутылки, летящие по воздуху, или сломанные стулья, сегодня традиционная драка повторялась, члены гильдии бросались друг на друга с кулаками и насмешками.

Наконец-то выйдя из зоны драки, я направился к кабинету Макарова и, дойдя до него, услышал приглушенный шум голосов, доносившийся с другой стороны двери.

Не узнавая магической силы того, с кем разговаривал мастер, я взялся за ручку и медленно толкнул дверь. Голоса становились все громче.

Как только я вошёл внутрь, я заметил Макарова за его столом, с широкой улыбкой болтающего с женщиной, которую я сначала не совсем узнал, но вскоре понял, что это Ур.